

**ГВЕН
Э.
КИРБИ**

РАССКАЗЫ

**ЧТО
УВИДЕЛА
КАССАНДРА**

18+

Гвен Кирби
Что увидела Кассандра

«Individuum»

2022

УДК 82-32
ББК 84(7)6

Кирби Г. Э.

Что увидела Кассандра / Г. Э. Кирби — «Individuum», 2022

ISBN 978-5-6048294-5-5

Сестры и матери, домохозяйки и ведьмы, пророчица Кассандра и королева бриттов Боудикка – в дебютном сборнике рассказов Гвен Кирби пишет о женщинах, часто балансирующих на грани нервного срыва. Каждый рассказ здесь преподносит сюрпризы: инструкция по укладыванию плитки в ванной превращается в высокую трагедию, отзыв на ресторан становится размышлением о не самом удачном браке, а одна из самых трогательных историй разворачивается вокруг забытого в чемодане чучела кенгуру. Очень дерзкие, смешные и неизменно человеческие тексты Кирби строятся вокруг женщин, но опыт ее героинь универсален: неидеальному, а иногда просто враждебному миру они готовы противостоять со всей яростью и любовью, на которые способны. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 82-32

ББК 84(7)6

ISBN 978-5-6048294-5-5

© Кирби Г. Э., 2022

© Individuum, 2022

Содержание

Всякое дерьмо, которое Кассандра увидела, но не рассказала тroyнцам, потому что пошли они уже в жопу	6
Несколько обычных историй, которые случаются постоянно	8
Крабовая лавка Джерри: одна звезда	13
Боудикка, великая королева бриттов, контактный хиттер[5] и запасной аутфилдер[6], 61 год н. э.	18
«Маунт-Адамс» играет с «Мар-Вистой» в гостях	19
Вечер пятницы	22
Его последняя проповедь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Гвен Кирби

Что увидела Кассандра

Gwen E. Kirby
Shit Cassandra Saw

Copyright © 2022 by Gwen E. Kirby
Cover illustration © by Lydia Ortiz
Designed © by Alexis Farabaugh
© Пётр Ширинский, Анна Шур, перевод, 2023
© ООО «Индивидуум Принт», 2023

* * *

*моей сестре Клэр
ты важнее всех
ты важнее всего*

*– Вы говорите как героиня, – с презрением сказал Монтош, –
посмотрим, сумеете ли вы страдать как героиня!*
Анна Рэдклифф. Удольфские тайны

Всякое дерьмо, которое Кассандра увидела, но не рассказала троянцам, потому что пошли они уже в жопу

Лампочки.

Пингвины.

«Бад Лайт».

Застежки на липучке.

Пластилиновая анимация. Луна из сыра.

Чечетка.

Йога.

«Твизлерс»¹. «Маунтин Дью». Желе. Цвета, от которых слюнки текут.

Метамфетамин.

Футболки. Мягкие, тонкие, они переходят из рук в руки, от мужчин к женщинам, и каждый владелец накидывает на себя разные команды – «Янкиз», «Уорриорз» – и снимает без кровопролития, не думая ни о преданности, ни о племени. А слова! Какое изобилие бессмыслицы. Погода В Порядке, Надеюсь, С Тобой Всё Солнечно. Химики Занимаются Этим Периодически Под Таблицей. Раскрывайте Себя, Не Вскрывайте Лягушек. Слова везде и для всех, только ради шутки, ради удовольствия; мир, небрежно разбрасывающийся словами. И не только на футболках. Постеры. Бутылки воды. Газеты. Спам. Наклейки на бампер. Списки. Топ-10 костюмов на Хэллоуин для вашей собаки на примере этой корги. Топ-10 раз, когда лицо макаки идеально отражает ваши мысли насчет финансового рынка. Топ-10 вещей, которые твой бойфренд *хотел бы* попробовать с тобой в постели, но стесняется попросить. Кассандра не замечала, чтобы у мужчин были какие-то проблемы со стеснением. Возможно, это одно из наслаждений будущего – мужское желание, которое не произносится. Желание, которое остается желанием, а не превращается в приказ.

А еще все эти словечки из любовных романов, детективов, триллеров, научной фантастики, фэнтези. Вздымающиеся груди, астронавты и люди-обезьяны. Книжки в мягких обложках, которые живут коротко, но обжигающе: следующий поток слов уже подпирает, так что их остается либо продать, либо сжечь; места хватит только новым.

И, конечно, жизни. Кассандра предпочла бы видеть только фантазии и предметы, яркие пластиковые прибабасы из будущего, но ей приходится наблюдать и за жизнями тоже. Вот две девочки. Они сидят в грязи и выкапывают валун. Когда они наконец его выкопают, кто знает, что они под ним найдут! Спуск в подземный мир, сокровище, рой фей – что угодно, но не грязь. Очень важно, чтобы у них не получилось, чтобы они никогда его не откопали, и, конечно, у них ничего не выходит. Их пластмассовые лопатки разрывают землю; мелкая пыль летит в глаза. Одна из девочек становится инженером. Другую, когда она учится в универе, насилует ее парень. Эта другая откроет пекарню на острове, где любит ходить в походы. У нее будет трое детей, все мальчишки, и она умрет уже довольно старой, но совершенно не готовой уходить. У ее мальчишек тоже будут свои жизни. Как и у всех. Жизни на перемотке, в беззвучном режиме, даже лучшие жизни, даже ее собственная, быстро наскучивают.

Кассандре надоело бежать к деревянным коням с одной лишь спичкой в руках.

Ей надоело говорить в слушающие уши. В слушающие уши мужчин, которые своей уверенностью в ее сумасшествии сводят ее с ума. Она мечтает убежать куда-то далеко, на остров, и завести птицу. Она никогда этого не сделает, потому что знает: никогда такого не случится.

---

¹ Популярные в США жевательные конфеты. – *Здесь и далее прим. пер.*

Рассказывают, что Аполлон дал Кассандре дар провидения, – и это правда. Рассказывают, что, когда она отказала ему, он плюнул ей в рот, чтобы никто ей больше не верил. Девственница – то же, что соблазненная женщина, оскверненная женщина, готовая на все женщина, то же, что и все женщины, открывающие рты и наблюдающие, как из них выползают змеи.

Кассандру все заебало, целиком и полностью, душа ее стонет.

И все же, пока Трои захватывают, пока она хватается за холодные мраморные ноги Афины в священном храме, она не может смириться с известной ей правдой. С тем, что скоро придет Аякс и изнасилует ее. Он уничтожит статую богини, которой она молится, и навлечет на себя вечное проклятие; и что хуже всего, богиня не поможет ей, отвернет свое разбитое лицо. Кассандру увезут за море, сделают наложницей другого мужчины, она выносит двойняшек, мальчиков, и будет убита Клитемнестрой. Но пока это еще впереди, Кассандра горит желанием поделиться с женщинами Трои своими видениями.

Женщины Трои могут услышать ее. Они знают, что проклятие Кассандры – это и их проклятие тоже. Что Аполлон плюнул ей в рот, но это была лишь слюна.

Вот что она может им показать.

Тампоны.

Джинсы.

Стиральные машины.

Беспроводной вибратор «Хитачи».

Резинки для волос.

Перцовый баллончик.

Эпидуральную анестезию.

И, наконец, самое прекрасное, то, что заставляет Кассандру улыбаться, пока мужчины врываются в ее храм, то, о чем она всегда знала: однажды слово «троянец»² не будет говорить о храбрости или поражении, предательстве или стойкости, о самой прекрасной женщине или самых глупых мужчинах. Троянца будут с надеждой носить в каждом кошельке, доставать смущенно, но уверенно, надевать на головку, раскатывать до яиц. Возможно, мужи Трои рассмеялись бы, если бы об этом узнали, а может, почувствовали бы себя униженными или на минуту задумались бы, как равнодушна история и как спесив человек, желающий, чтобы его помнили. Но женщины, увидев, как раскрывается синяя упаковка, женщины возрадовались бы и принялись бы размахивать ею над головой, как флагом, как обещанием лучшего будущего.

---

² Троянец – название одной из старейших в США марки презервативов, буквально означает «троянец».

Несколько обычных историй, которые случаются постоянно

Женщина идет по улице, и мужчина говорит ей, что неплохо было бы улыбнуться. Она улыбается, обнажая клыки. Откусывает мужчине руку, хрустит костями, выплевывает их. Но случайно проглатывает обручальное кольцо, от которого потом мучается изжогой.

Женщина ждет на остановке автобуса, вплотную к ней встает мужчина. Он кладет руку ей на задницу, не зная, что эта женщина – участница секретного научного проекта и испытания прошли успешно. Она направляет на мужчину свои глаза-лазеры и превращает его в проездной с ровно двумя долларами и семьюдесятью пятью центами на счету – стоимостью поездки.

Женщина в магазине, в отделе заморозки мужчина говорит ей: «Классные ноги». Он идет за ней мимо брокколи и гороха. «Что такая красивая девушка делает в таком месте совсем одна?» Мимо взбитых сливок. «Парень есть?» Мимо тортов-мороженых. «Ничего не ответишь?» Она останавливается у стеллажа в конце прохода. На чипсы и сальсу скидка. Вчера она бы сделала вид, что его не замечает. Пошла бы дальше, делано восхищаясь сырами, останавливаясь подолгу у соусов для пасты, пока ему не наскучит. Она бы ушла, ничего не купив, по бесконечной ночной парковке, где каждая машина таит опасность.

Но, к счастью, вчера вечером ее укусил радиоактивный таракан. Под одеждой у нее броня. Он спрашивает: «Ты скромняга или просто сучка?» Чувства обостряются. Она шипит на таких децибелах, что банки с сальсой лопаются и мужчине в грудь впиваются осколки стекла. Сальса разлетелась по всему магазину, кусок помидора приземлился ей на юбку – что, конечно, обидно, юбка только из химчистки. Женщина идет в темноте, в ее руках пакеты с продуктами; парковка выглядит прекрасно, а она раньше и не замечала. Лампы мерцают сквозь морозящий дождь. Асфальт блестит, машины не таят *ничего*.

Женщина сидит в квартире одна и слышит, как по коридору шатается пьяный сосед. Она не проверяет замок, не дергает дверную цепочку. Вместо этого берет пульт, подаренный ведьмой. Если кто попробует пробраться в квартиру, она просто направит пульт на дверь и выключит того, кто за ней стоит.

Женщина на пробежке в морозный день; мужчина бежит на расстоянии пятнадцати, девяти, шести метров за ней. Они одни на этой дороге, тонкой ленточке вдоль берега реки. Ее любимое место для пробежки. Она ускоряется, он за ней. Сердце начинает стучать громче, и она клянет себя: *тупая сука, тебе же говорили не бегать в одиночку, могла бы подумать головой, тупая ты сука*, но затем вспоминает: *слава богу!* Совсем недавно ее поцарапал оборотень! Женщина слегка перевоплощается, поворачивается к мужчине и снимает перчатки. Ее руки покрыты мехом, подушечки лап черные и жесткие, и, когда она выпускает когти, мужчина вскрикивает и убегает. Женщина потирает замерзшие щеки мягкими меховыми лапами. Она глубоко вдыхает и возвращается в размеренный темп.

Женщина едет в метро, мужчина садится рядом, хотя вокруг еще полно мест. Женщина кладет свои маленькие ручки на колени. Мужчина достает член и начинает дробить. Женщина встает и выходит на следующей остановке. Ее сердце *не* бьется чаще, ее не мутит, она не думает о том, что бы сделала, если бы мужчина пошел за ней.

Нет, как только она ступает на платформу и за ней закрываются двери вагона, женщина забывает об этом мужчине навсегда. Это ее суперспособность, унаследованная от матери-инопланетянки. Она чувствует себя абсолютно нормально, даже успевает немного поработать вечером, пока не решает, что устала и пора заказать китайскую еду. Она спит глубоким сном.

Женщина отправляется на свидание с женщиной, и по пути в ресторан они видят, как другая женщина откусывает руку другому мужчине. Первый мужчина бросается к истекающему кровью. Его спутница спрашивает, где кусающаяся женщина достала клыки. «Они тебе так идут», – говорит она.

«Правда? – отвечает другая женщина. – Они – все, чего мне не хватало для полной уверенности в себе».

Остаток свидания мужчина с обеими руками ведет себя крайне почтительно.

Женщина-таракан идет в банк, надеясь, что кто-нибудь его ограбит и у нее наконец появится повод применить свои новые невероятные способности. Вместо этого она видит, как мужчина разговаривает с женщиной и перебивает ее: «Дело в том, – говорит мужчина, – что это слишком большое *обобщение*, понимаешь?» Женщина-таракан думает, не оторвать ли ему руку, но это было бы слишком. Она обналичивает чек и угрюмо идет на работу, недавно выросшие усики раскачиваются на ветру.

Мужчина, о котором шла речь раньше, снова достает в метро свой член. На соседнем месте – женщина с полным ртом клыков. Она застывает на секунду, не веря, но это правда происходит, правда происходит, так что она наклоняется и откусывает ему хуй. Выплевывает. Костей там нет, ломаться нечему. Она оставляет этот уже безвредный предмет на полу и выходит на следующей остановке. Ее лицо спокойно – она привыкла игнорировать крики и кровь, – но вкус держится на языке до самого дома.

Женщина с волшебным пультом везде носит его с собой, он лежит в сумочке рядом с перцовым баллончиком и полупустой, туго завернутой пачкой M&M's. Она ни за что не воспользуется пультом на людях: а вдруг промажет? Ее преследует кошмарная картина: мужчина орет на нее за неправильно собранный заказ – двойное молоко половина кофеина *обезжиренное* латте тупая ты пизда, – и она со злости выключает всю кофейню, весь район, весь мир, нажимает на перемотку, назад, *назад*, но уже слишком поздно.

Женщина идет по улице и с наслаждением представляет, как опускает ладонь в сумочку и нажимает на паузу. В застывшем городе она может делать все, что захочет. Она наматывает километры, шагает по узким переулкам, через лесистые парки, заворачивает за угол, где бездомный мужчина выкрикивает ругательства – но, как видите, он уже утих. Она принесла покой и ему, и себе.

Женщине-оборотню раньше было неуютно в своем теле, а теперь она часто ходит по дому в одной волчьей шкуре. Без одежды она чувствует себя такой могущественной. Иногда, поздней ночью, она отправляется на задний двор и воет – не от печали, но потому, что у нее сильные легкие, а превращать воздух в звук – чистое удовольствие. Муж видит, как она счастлива, и просит его поцарапать, чтобы он тоже обратился. Она *хочет* этого хотеть. Пытается объяснить ему, что это типа *ее* фишка и должна остаться ее и больше ничьей. Она не решается ему признаться, что на самом деле не хочет, чтобы именно *он* ее получил. Он говорит, что понимает, но она чувствует, что он никогда до конца ее не простит.

Женщина с клыками сидит на скамейке в парке и ест пончик. Клыки ужасно мешают. У нее плохое настроение. Ноет язык, щеки обкусаны изнутри, весь пиджак в сахарной пудре. Очень хочется, чтобы какой-нибудь мужчина сказал что-то не то и она могла бы его укусить, но никто ничего не говорит. Клыки все-таки очень заметны.

Она звонит своей подруге, той женщине, которая умеет забывать.

– В целом со мной все хорошо, – говорит она, слегка присвистывая на шипящих. – Но в такие дни я устаю.

– Звучит ужасно, – говорит ее подруга, хотя и мечтает, чтобы они поговорили о чем-нибудь другом, кроме мужчин. Подруга, которая забывает, пытается подцепить семечко, застрявшее между ее обычных скучных зубов. Женщина с клыками стряхивает крошки с пальцев и говорит, что ей пора идти.

Вечер, женщина идет по коридору большого университетского корпуса. Ей восемнадцать, она на первом курсе, минимум раз в неделю ей приходит студенческая рассылка об очередном случае сексуального насилия в районе. В конце каждого письма перечислены способы себя обезопасить. Несмотря на советы не оставаться одной по вечерам, она пришла сюда, чтобы забрать бумаги из почтового ящика своего научрука. Но дверь в нужную комнату заперта. Все зря, и опять перед ней лестница. Когда ей было четырнадцать, мужчина остановил ее на лестничном пролете, якобы чтобы задать вопрос, прижал к стене и схватил за грудь. Она бежит вниз по пустой лестнице – пустой, если не считать всех тех мужчин, которыми она ее наполнила, – их руки тянутся к ней, как ветви Темного леса в сказке про Белоснежку. Она ненавидит себя – за трусость и за то, что обвиняет себя в трусости.

Если бы ее воображение не было так перегружено, она бы заметила двадцатидолларовую купюру в последнем пролете. Она бы взяла эти деньги и потратила их на книгу или фильм, а может, вернула бы другу долг за обед. Через несколько часов парень-второкурсник найдет эти деньги, спокойно спускаясь по лестнице. Он думает о фильме, который сделает с друзьями: они собираются упороться и снять его в парке ночью. Фильм войдет в конкурс студенческого кинофестиваля и займет второе место. Годы спустя он станет режиссером независимого кино.

Женщине везет, она добирается домой без происшествий, и на следующий день ее кусает радиоактивный таракан. Радиоактивные тараканы наводнили город. Она в восторге от своих новых способностей, но не знает, как сказать о переменах в своем теле бойфренду. Они расстаются. Женщина, которая видела, как женщина с клыками откусила руку мужчине, тоже делает себе клыки. Она цыкает ими на свое отражение в зеркале. На клыках кровь, как она и представляла, только из ее собственных десен, которые всё еще ободраны и саднят.

Правительство наконец замечает радиоактивных тараканов: во сне укушена жена мэра. Сам мэр, хоть и лежал рядом, остался нетронутым. Как странно! Что происходит? Никто не знает! Инфекция распространяется быстро. Жену мэра забрали для проведения анализов. Пресса сообщает, что она заболела и собирается провести некоторое время вне поля зрения общественности. На реддите растут и переплетаются конспирологические теории, как побеги виноградной лозы.

Женщина идет по улице, и никто ее не беспокоит. Она улыбается женщине, проходящей мимо. Та улыбается в ответ. Что-то изменилось.

Женщина надевает пару фальшивых усиков, чтобы вынести мусор в переулок за домом, куда ей всегда было слишком страшно выходить ночью. Никто ее не беспокоит, кроме разве что большой, упитанной и недовольной крысы.

Теперь, когда она может притворяться тараканом, женщина с клыками думает их удалить, но, в конце концов, она слишком привыкла к чувству безопасности. Что, если радиоактивные тараканы *не* окажутся решением проблемы? Что, если кто-нибудь изобретет специальный тараканий шокер? Или какие-нибудь трудолюбивые ученые разработают лекарство? Она решает оставить клыки и смириться с тем, что ее рот всегда будет немного побаливать.

Продажи фальшивых усиков зашкаливают. Мужчины в городе чувствуют себя неудобно. Женщины развлекаются вовсю. Они набирают ванну и опускаются под воду на тридцать минут, проверяя на прочность новые легкие. Они напиваются пивом, которое так любят их тараканьи тела, и идут домой под звездами: завидев мужчину, они шипят на него, и он убегает, а они всё смеются и смеются. «Ты что, шуток не понимаешь?» – визжат они, и им почти стыдно, ведь злом на зло отвечать нельзя. Но все-таки разок ответить злом на такое количество зла... От этого женщина-таракан *правда* чувствует себя счастливой, беззаботной и свободной.

Мужчины не выходят по вечерам из дома без баллончиков Raid. Спасти их это точно не спасет, даже близко, но мужчины сжимают баллончики в руках, как талисманы. Теперь, когда у всех женщин усики, невозможно понять, какая из них действительно опасна.

Женщина, которая умеет забывать, и женщина с клыками заказывают кофе, и первая говорит второй, что не понимает этой моды на усики.

- Я пробовала их носить, – говорит она, – но от них волосы примаются и голова болит.
- Женщина с клыками сидит на антибиотиках. В одном из зубов образовался абсцесс.
- Головные боли меня просто убивают, – говорит она и начинает рыдать.

Мужчина отрезает голову своей тараканьей девушке, пока та спит. Она вскакивает и убивает его, у нее в запасе еще целая неделя жизни. Она идет по улице, держа свою голову под мышкой, чтобы видеть, что впереди. Она пишет на Buzzfeed колонку о принятии неизбежного и скоротечности жизни, но, по правде говоря, ее перерезанное горло сжимается в ужасе. Она бы предпочла умереть на три дня раньше, когда еще не стала тараканом. Нет ничего хуже, чем знать, что парень, которого она любила, отрезал ей голову, – хуже этого лишь то, что даже мечь не вернула ей былую цельность.

Две женщины-изобретательницы сидят в своей секретной лаборатории, полной радиоактивных тараканов. У них длинные белые халаты и толстые очки. Красные резиновые перчатки доходят до локтей.

– Надеюсь, мы поступили правильно, – говорит одна из них, вкалывая сыворотку в таракана, затем кладет его в банку #B872.

– Мне кажется, пеленальный столик – идеальный подарок для Марианны, – отвечает другая, склонившись над мензуркой; она ждет, пока оранжевая жидкость остынет.

Они работают допоздна и всегда отправляются домой с облегчением. Обсуждают планы на вечер, снимая очки, перчатки и халаты. Их тела под одеждой – мозаика провалившихся экспериментов. Шрамы на щеках, когти на пальцах, участки кожи, обратившиеся в камень, шерсть или чешую. У одной на спине – панцирь броненосца. У другой – крыло, которое она не может до конца расправить; дома перья застревают в стоке душевой.

Женщины выходят, надевают фальшивые усики и отправляются домой, держась за руки. Навстречу идет мужчина – он уважительно кивает и уступает дорогу. Они улыбаются друг другу, улыбками не злыми и не добрыми. Им хорошо и спокойно – но не настолько, как они ожидали. От звезд и ночной прохлады их отвлекают те места на теле, которые болят, и ноют,

и постоянно зудят. Они гордятся тем, что сделали. Но порой все еще мечтают вновь стать гладкими и целыми – вернуть себе былую нежность.

Крабовая лавка Джерри: одна звезда

Гэри Ф.
Балтимор, Мэриленд
Пользуется Yelp³ с 14 июля 2015 года

Отзыв на: Крабовая лавка Джерри
Отзыв оставлен: 15 июля, 2015 в 2:08

Заглянув на сайт этого ресторана и прочитав положительные отзывы на Yelp, мы с женой сегодня вечером сходили в «Крабовую лавку Джерри». Наш опыт оказался неудачным. Это едва ли можно назвать «трехточковым», как выразился один из рецензентов. Я не знаю, куда обычно ходят есть авторы других отзывов, и опущу спекуляции по этому поводу, которые напечатал и затем удалил, потому что они были нелестными и, смею сказать, настолько точными, что могли бы причинить кому-то боль, а это не входит в мои планы. Я лишь хочу восстановить истину.

Я напишу отзыв на «Крабовую лавку Джерри» методично и спокойно, чтобы остальные пользователи этого сайта, такие же новички в этом городе, как я и моя жена, которые полагаются на этот сайт, чтобы составить планы на ужин, могли точно знать, во что ввязываются, и принять соответствующие решения. Если ты тратишь на что-то время, как говорит моя жена, делай это хорошо – либо не ввязывайся вообще и просто, как обычно, дай ей сделать все за тебя (ха-ха).

*Местоположение

«Крабовая лавка Джерри» находится около Феллс-Пойнта (не в историческом Феллс-Пойнте, как написано у них на сайте). На самом деле «лавка» – которая и не лавка вовсе, а обычное помещение на первом этаже, зажатое между салоном красоты и магазином матрасов, – находится на несколько кварталов к востоку, в крайне неаппетитной части района. Если вы, будущие пользователи Yelp, после прочтения этого отзыва все равно решите наведаться в «Крабовую лавку Джерри», я бы предложил вам не парковаться рядом с ней. Оставьте машину в Феллс-Пойнте на нормальной парковке, а дальше идите пешком. Даже если вас ограбят, преступники заберут только кошелек, иначе вы можете – как произошло с нами – лишиться еще и водительского стекла, навигатора и пяти дисков, включая двухдисковую подборку Smithsonian Folkways⁴ «Ритмы экстаза: священная музыка гаитянского вуду», которую собирались послушать по дороге домой.

*Интерьер

На первый взгляд «Лавка Джерри» выглядит вполне прилично. Я уже говорил, что это будет честный отзыв, – держу свое слово. Многие люди не умеют отделять собственные чувства от объективных представлений, но я вполне на это способен. Даже если мне не понравилось смотреть «Аватар» в 3D и даже если я не могу понять, в чем смысл пробежек, я все-таки могу признать, что эти вещи обладают объективной ценностью. И если яйца, сваренные вкрутую, могут провонять весь холодильник и их запах вызывает у меня рвотный рефлекс, это не мешает мне допускать, что у некоторых людей другое мнение и они любят есть яйца на завтрак каждый день. На вкус и цвет... и так далее.

---

³ Yelp – сайт и приложение для отзывов на услуги, основаны одноименной компанией из Калифорнии.

⁴ Некоммерческая звукозаписывающая компания, базирующаяся в Вашингтоне.

Заведение Джерри вполне соответствует заявленной морской тематике. Над баром висит очаровательная рыбацкая сеть с пластиковыми морскими звездами и картонной русалкой. На стенах – изображения парусных лодок, без рамок, углы свернулись и пожелтели, словно побывали в настоящем морском воздухе. В конце бара лежит резиновый краб, с большой любовью прижавшийся к бутылке пива «Бад Лайт». Рядом табличка, на которой написано «Держись за “Бад Лайт” обеими клешнями!» (Уверен, это совершенно ни к чему. Учитывая, сколько в мире пива получше, я бы даже сказал, что лучше держать свои клешни подальше от «Бад Лайт». Еще я бы добавил, что раз уж работникам «Крабовой лавки Джерри» так важен статус «коренных» балтиморцев, им стоило бы поддержать бизнес Мэриленда и подумать над продажей местного пива.)

Восемь столиков накрыты скатертями в красно-белую клеточку. В нашей были дыры, через которые просвечивала белая клеенка. Мы больше ожидали «ресторана-ресторана» (слова моей жены), чем «бара с парой столиков» (тоже ее). Фото на сайте *не* очень точно отображают интерьер этого места, так что это не моя вина. Я готовился скорее к атмосфере морского бистро, хотя моя жена настаивала, что «никто так не говорит». Штука в том, что я пообещал жене особенный ужин. Я сказал, что это место будет «квинтэссенцией Балтимора». Я надеялся, что мы наконец-то сможем расслабиться и насладиться вечером вне дома, подальше от полуразобранных коробок и полупустых комнат.

*Чистота

Не очень чисто.

Пока мы ждали, что нас проведут к столику (до того как мы поняли, что это место из тех, где можно сесть где угодно), я смотрел, как моя жена снова и снова поднимает и опускает ногу, проверяя, насколько пол по клейкости похож на липучку для мух. Ее лицо приобрело хорошо знакомое мне выражение. «Это так аутентично», – сказал я в попытке на корню пресечь любое негативное впечатление. (Я как раз заметил и оценил уже упомянутую рыболовную сеть, а также таблички на туалетах, гласившие «Для пиратов» и «Для леди-пиратов», что мне показалось весьма эгалитарным.) Если Джанет – мою жену зовут Джанет – вобьет себе в голову, что ей что-то не нравится, ее уже ничем не переубедить. Эта женщина может быть недовольна вечеринкой в честь собственного дня рождения (что и случилось, причем неоднократно). И что такого, что место не самое чистое! Как по мне, слово «лавка» в названии должно было стать достаточным предупреждением.

По полу не помешало бы пройтись шваброй – «отдраить палубы». Но наш стол явно протерли, и не было видно ни одного таракана. Моя жена сказала, это довольно низкая планка для определения чистоты, так что добавлю, что видел знак, на котором указано, что ресторан прошел гигиеническую инспекцию. Он располагался на самом виду, в окне, где и должен быть по закону.

*Обслуживание

Обслуживание поначалу было нормальным. Женщина – слишком пожилая, чтобы носить костюм разбитной пиратки, – поприветствовала нас и приняла наш заказ – два крабовых сэндвича (если верить Yelp, «звездное» блюдо заведения) и салат коулслоу на гарнир. Ее грудь переполняла весьма откровенный корсет (хотя, возможно, стоит сказать «корсет леди-пирата») из черной искусственной кожи, но не так, как это делают молодые груди, поднимая край лифа и переваливаясь через него, а как слегка сдувшиеся воздушные шарик тридней давности.

(Я хотел бы сделать небольшое отступление и отметить, что обычно не предъявляю претензий к обслуживанию в ресторанах. Будучи сыном человека, который постоянно, громко и до тошноты жаловался на медленных, недружелюбных или шлюховатых официанток, – да, будучи мальчиком, которому слишком часто приходилось стыдиться этой нетерпеливой и бес-

чувственной авторитарной особы, я обычно спокойно переношу плохое обслуживание. Официантки тоже люди, и не каждое блюдо, которое я ем, должно быть лучшим в мире. Не один ужин я проглотил давясь, но без единого слова упрека. Моя жена, возможно, не такая снисходительная: иногда она жалуется, если еду приносят холодной или я забываю купить молоко, хотя обещал, что не забуду, но если она проявляет недовольство, то для этого действительно есть повод. Она не дает людям «унижать ее достоинство» – и «так же следовало бы поступать и мне». То, что случилось сегодня, произошло не по вине официантки. Я не знаю, откуда у моего отца такие ожидания. Официантки – не волшебницы. Все, чего я от них жду, – транспортировка еды от одной точки до другой, можно даже обойтись без улыбки, потому что чему, черт возьми, вообще улыбаться, если ты работаешь в «Крабовой лавке Джерри» и твой менеджер засунул тебя в корсет на два размера меньше положенного, дома у тебя трое детей, на ногах мозоли, и вот люди в черных костюмах садятся за столик и спрашивают, местные ли у вас крабы, а они, конечно, местные, и именно поэтому та женщина посмотрела на нас как на идиотов – сразу видно, что мы не отсюда, хотя у нас теперь здесь и есть дом.)

Еду мы ждали сорок пять минут. Хотя скорее я бы сказал, что после сорока пяти минут над столом повисло напряжение. Мы были усталые и голодные. Переезд – довольно трудное дело. Не одну ночь мы провели на полу, поедая остывшую пиццу, потому что стол, который мы заказали онлайн, застрял на складе в Сент-Луисе, и даже когда моя жена позвонила в компанию и заговорила в трубку своим самым страшным голосом, они сказали подождать и что они «решают эту проблему». Так что мы оба ждали этого ужина с нетерпением.

«Они что, сначала посылают кого-то ловить этих крабов?» – сказала Джанет, и я понял, что она уже готова встать и спросить, где еда. Так что первым встал я, чтобы не устраивать сцену. Ненавижу скандалы в ресторанах. Просто терпеть не могу. Я, может, и огрызнулся на Джанет перед тем, как направиться к бару, но это в каком-то смысле ее вина, потому что она прекрасно знает, как меня раздражает, когда люди достают официантов.

(Вообще, у моей жены очень много хороших черт. Надо это сразу сказать. Это не отзыв на мою жену.)

Но если бы этот отзыв был на мою жену, я бы оценил ее исходя из следующих качеств:

- 1) поддержка;
- 2) эмпатия;
- 3) стабильность;
- 4) чувство юмора;
- 5) внешность;
- 6) готовность меня терпеть.

Джанет очень меня поддерживает. Когда я захотел пойти в магистратуру по музыковедению, она одобрила это решение, а потом оплатила мою учебу, хотя мы тогда даже не были женаты. (Джанет – адвокат.) Мне кажется, что готовность поддержать идею своего парня пойти учиться на музыковеда также свидетельствует о высоком уровне эмпатии. Когда говоришь людям, что ты музыковед, они обычно смотрят на тебя как на психа или будто ты эту профессию выдумал. Она так не делает. Ей нравится, что я люблю музыку и что я работаю в Smithsonian Folkways – для меня это работа мечты, и какая разница, что теперь я живу в полутора часах езды от работы мечты и вечером не могу провести время со своими коллегами, потому что ей хочется, чтобы у нас были дети и дом, а в Вашингтоне это нам не по карману.

Само собой, я хочу того же.

Джанет очень стабильная. Как настоящий валун. Валун с плоским дном. Не то чтобы она сама внизу была плоская. (За внешность я бы поставил ей 10 с двумя плюсами.) Я имею в виду, что такой валун устойчивый, его не скатишь с горы. Если она говорит, что что-то сде-

лает, она это сделает. Если бы она сказала, что мы идем в хороший ресторан, мы бы пришли в «Лавку Джерри» и обнаружили белые полотняные скатерти и коктейли из местных ингредиентов. Иногда мне кажется, что она просто материализует вещи силой мысли.

А еще у нее прекрасное чувство юмора. Когда она вошла в «Крабовую лавку Джерри» и увидела резинового краба, она улыбнулась.

Единственный пункт, по которому у меня есть сомнения, это б – готовность меня терпеть, – и то речь только про недавнее время. Она «целиком за» переезд в Балтимор. А если у меня «были какие-то сомнения», мне надо было бы «сказать что-нибудь до того, как мы перетащили туда все наше барахло». Не спорю. Она просто не понимает, что я тоже целиком за – в том смысле, что уверен: ей лучше знать, но все-таки не целиком за – в том смысле, что не уверен, к чему все это приведет и понравится ли мне это.

*Обслуживание (бар)

Вот мы и подошли к сути проблемы. Не знаю, где Джерри нанимал барменов, но это самые грубые и неприятные люди во всем мире.

Я подошел к барной стойке и вежливо спросил бармена, когда будет готова наша еда. И этот парень, которого явно отпустили поработать из местной тюряги или выгнали из байкерской банды за неподобающее поведение, говорит мне, что еда «будет готова, когда будет готова». Затем он довольно угрюмо посмотрел на окно заказов и сказал: «Скоро, наверное». Понимаю, что звучит не так уж плохо. Задним числом ответ кажется вполне приемлемым. Но я не мог вернуться к Джанет и сказать, что наша еда будет «скоро, наверное». Мне нужен был примерный отрезок времени. Или причина, по которой еды нет так долго. Пожар на кухне, кто-то умер в семье шефа, в Чесапике случился внезапный крабовый дефицит. Я уже продолжил ужин, теперь надо было действовать решительнее. Сделать хоть что-нибудь правильно. Поэтому я сказал: «Не могли бы вы зайти на кухню и проверить? Или найти нашу официантку?» А он ответил: «Чел, мне за баром следить надо. Если ты не собираешься выпивать, у меня тут есть другие люди, которых нужно обслуживать». Другие мужчины за стойкой начали поглядывать на меня. Я видел, как они осуждают меня, мой костюм и мою осанку – она и правда немного странноватая, знаю. У меня слишком длинные руки. Я сказал: «Это просто неприемлемо», – опять же, не потому что так считал, просто хотел порадовать Джанет. Кажется, я попросил позвать самого Джерри. Мой голос, возможно, повысился на пару децибел. И вот тогда бармен сказал мне «сесть, блядь, на свое место в своем пидорском столичном костюмчике и подождать, как все остальные». Другие мужчины у бара засмеялись этим бурлящим маскулиным уханьем, будто произошло что-то смешное, и опять засмеялись, когда бармен уличил меня в том, что я «покраснел». Я ничего не сказал, потому что на такое поведение и ответить-то нечего. Ничуть не жалею, что просто молча пошел к своему столику.

Не знаю, чем людям в этом городе так не угодил Вашингтон. Не все, кто оттуда, сволочи. А я вообще из Огайо.

Ну вот, рассказал, и сразу полегчало. Не хочу лгать тебе, будущий читатель Yelp. Мне кажется, у нас появляется некая связь, мы облегчаем бремя, которое на нас лежит. Расскажу тебе еще пару вещей. Сейчас я пью пиво, третье по счету, и оно только начало помогать. Моя жена уже несколько часов как спит. Я сижу перед компьютером, вокруг пустые бутылки и маленькая лампа на деревянном полу комнаты, которая станет гостиной, потому что у меня пока нет стола и я не хочу идти наверх. Не здесь хотелось бы мне быть. Я надеялся на «экстра-особенную» ночь. И под «экстра» я имею в виду, что надеялся в это время заниматься сексом. Вот, я сказал это. Мне легко говорить о естественных желаниях и о том, что происходит между мужем и женой. В отличие от бармена, я не настолько сомневаюсь в своей ориентации, чтобы выкрикивать гомофобные оскорбления. Мне не понравилось, что меня называли «пидорком»

при моей жене. Я почувствовал себя дерьмово. И мне не нравится, что этот комментарий бармена все еще крутится у меня в голове.

Вообще-то иногда мне сложно говорить о сексе. Я бы мог сказать, что выше использовал эвфемизм, чтобы не шокировать более консервативных пользователей Yelp разговором о звере с двумя спинами, но правда в том, что есть такие моменты (как вот сейчас), когда пребывать в собственном теле невыносимо. Все органы работают в едином ансамбле: повторяющиеся произвольные ритмы, чудо скоординированности. Тела странные, такие плотские, их легко проткнуть. Иногда, когда я бесконечно долго еду на работу, я думаю о деталях моей машины, которые пронзят меня насквозь, если случится авария. Рулевая колонка. Ручной тормоз. Осколок другой машины. Мне не нравится думать о том, насколько тонка моя кожа, но когда мысль закрадется в голову, ее не остановить. Вот почему потеря дисков меня так расстроила.

Вы когда-нибудь слушали гаитянскую музыку вуду? Совсем не то, чего ждешь. Барабан повторяет ритм дождя. Не песня, а песнопение: женщина ведет, деревня следует за ней. Зов и ответ. Они приглашают духов и управляют ими. Но в конце концов музыка правит тобой.

Не знаю, как я дошел до этой темы.

У Джанет пупок торчит наружу. Это мило, похоже на маленький поросычий хвостик на животе. Она ненавидит его. И ей не нравится, когда я дотрагиваюсь до пупка. Она говорит, что от этого у нее «странное чувство», будто я тыкаю в чувствительный провод, который посылает разряды в то место внутри ее тела, которое она не может назвать, – секретное гнездышко между животом и маткой. Сложно с кем-то трахаться и не дотрагиваться до пупка. И из-за того, что я знаю, что трогать его мне нельзя, иногда я только об этом и думаю.

Джанет не пользуется сайтами типа Yelp. Она не такая, как мы. Не доверяет случайным людям и их мнениям. Она читает критиков, смотрит рейтинги. С тех пор как мы переехали, она стала читать Baltimore Sun. Она все внимательно изучает, и у нее высокие стандарты. Мне это в ней нравится.

Интересно, если бы Джанет писала отзыв обо мне, по каким критериям она бы меня оценивала? Думаю, она бы сказала, что я ее смешу. И что она «считает меня красивым», – вместо того чтобы сказать, что я и есть красивый. Она бы использовала слово «разочарована» и вспомнила бы всякие мелкие детали: вынести мусор, выкинуть просрочку из холодильника, запланировать свидание. Надеюсь, она скажет, что я верный и что она ставит это превыше всех остальных качеств, потому что мне кажется – это лучшее, что во мне есть. Если бы она это понимала, думаю, она бы знала, почему я ни слова не сказал против переезда, почему я всегда с ней соглашаюсь, даже в тех случаях, когда, может быть, стоило бы возразить. Боюсь, что это мое качество ей нравится меньше всего.

*Еда

После инцидента у бара мы ушли. Когда я сел за стол, никто из нас не проронил ни слова. Мы подождали еще пять минут. Я надеялся, что она устроит сцену, хотя раньше никогда бы такого не захотел, но она просто молча крутила в руках салфетку. Я сказал, что, наверное, нам пора закругляться, мы заехали в «Вендис» по дороге домой и поели в машине. Так что не могу ничего сказать насчет качества еды в «Крабовой лавке Джерри». Если там действительно лучшие крабы в городе, значит, мы никогда их не попробуем. Мы всегда будем довольствоваться вторым сортом и, скорее всего, не заметим разницы.

Боудикка, великая королева бриттов, контактный хиттер⁵ и запасной аутфилдер⁶, 61 год н. э.

Мне приятно думать, что если бы я родилась сегодня и – раз это мой воображаемый сценарий – родилась бы женщиной, то была бы профессиональным бейсболистом. Я играю за «Милуоки Брюэрз», и когда я беру битку, фанаты кричат «*Бу-у-у-у-у*», такая шутка, знаете, *Бу-у-у-удикка, прекрасная Бу-у-у-удикка*, и хотя это то же имя, что кричат мужчины, когда мы идем в бой, здесь никто не умирает, а я выбиваю дабл и оказываюсь на второй базе. Вы думали, я скажу «хоумран»?⁷ Нет. Если вы угнетенный народ, сражающийся с римскими завоевателями, вы не пытаетесь размахнуться посильнее, не рискуете страйкаутом⁸ ради возможного хоумрана, потому что страйкаут означает, что вы мертвы, мертвы и еще раз мертвы, а смертей и так хватает.

Не то чтобы я хочу быть женщиной, просто, если бы я занималась бейсболом профессионально, длинные волосы лезли бы в глаза, а сиськи мешали бы бить по мячу. Шутка! Они нисколько мне не мешают, когда я пронзаю римлян. Или когда я трахаюсь, или готовлю, или делаю колесо под полной луной. Нет, мне просто не хочется допридумывать все эти подробности, поэтому я представляю себя мужиком с мужской походкой, такой враскачку, будто он боится ненароком прищемить свой член. Я играю за «Сиэтл Маринерз», и когда я беру битку и фанаты кричат «*Бу-у-у-у-у*», я знаю, что не подведу их и выбью сингл, но с игроком на третьей позиции, и он примет удар так легко, что ему даже не придется падать, чтобы достать мяч. Такие сражения мне нравятся больше всего – ты уже все сделала, а они еще даже не додумались схватиться за оружие.

Не то чтобы я хочу быть женщиной, хотя есть очевидные преимущества. К примеру, когда мой муж король Прасутаг оставил королевство мне и моим дочерям, римляне принялись высматривать у меня слоновий хобот между ног и, обнаружив вместо него гораздо более затейливую конструкцию, сразу решили выразить свое замешательство через убийство

да, убийство, но даже ради прекращения всех этих смертей я не хочу быть женщиной и не захочу им быть, сколько бы жизней это ни спасло, потому что это нечестно, что мне нужно подстраиваться под желания других. Так что я иду отбивать мяч как женщина, на мне броня, и, когда я подхожу на позицию и поднимаю битку за «Сан-Диего Падрес», толпа кричит «*Бу-у-у-у-у*» и «*Боу-у-у-у-удикка*», и я выбиваю хоумран, и все в шоке, ведь я хороший контактный хиттер, играю во славу команды и готова к тому, что мяч попадет в меня, чтобы отправиться на базу, – но сегодня я решила рискнуть, размахнулась как можно шире и бегу по базам, разрываясь боевым кличем, пока не пересохнет в горле.

---

⁵ Игрок команды нападения, биткой отбивающий подачи питчера.

⁶ Игрок, действующий в аутфилде (часть бейсбольного поля за линиями баз), ловит высокие мячи с лёта.

⁷ Удачное отбивание, после которого хиттер пробегает через все базы и возвращается в дом (что позволяет набрать от одного до четырех очков), – как правило, достигается сильным и точным ударом по мячу, выбивающим его за пределы поля.

⁸ Ситуация, когда хиттер допустил три ошибки (промахнулся по мячу или отправил его в аут), после чего он выбывает из игры.

«Маунт-Адамс» играет с «Мар-Вистой» в гостях

Школьная команда по софтболу⁹ «Маунт-Адамс» разминается на правом поле, желтые мячи летают туда-сюда солнечными арками. Девочки пытаются вести себя тихо, но, как только плечи расслабляются, начинаются разговоры. Поле неплохое. Трава коротко подстрижена, базы яркие, скамейки запасных выкрашены в красный и темно-синий, цвета хозяев поля. Лучше, чем стадион в Маунт-Адамсе, где сквозь скамейки запасных пробивается бурьян, а вокруг все усыпано шелухой. Девочкам нравится проверять, как далеко долетит семечко: они слизывают соль и плюются, целясь в ячейки рабицы.

Идеальный день для игры – не считая того, что все идет не так. Всю неделю их доставали взрослые. «Что думаешь об игре с “Мар-Вистой”? Хочешь поговорить об этом? Это же так скоро...» – и в этой паузе прячутся слова, которых они не произносят. *Стрельба, смерть.* У мисс Мэтисон, преподавательницы химии, все время глаза на мокром месте, и она слишком пристально смотрит на учеников, будто пытается взглядом вмуровать их в янтарь и так сохранить. Мистер Грейтер, учитель английского в одиннадцатых классах, говорит, что, когда они станут старше, то многое поймут лучше и совсем иначе; им это кажется правдивым, но ведь так можно сказать вообще о чем угодно. Что они знают точно, так это то, что каждый такой разговор служит в первую очередь предостережением. Девочкам *нужно* – намекают взрослые каждым своим придыханием – быть чуткими к трагедии. Нужно вести себя хорошо. Отнестись с уважением, вниманием и почтительностью к стойкости команды-противника. Им дали абсолютно четко понять: то, что те девочки вообще играют, – уже победа. «На этом поле сегодня все – победители», – говорит тренер Джефф, пока девочки распаковывают экипировку, вешают биты и отряхивают пыль со шлемов. Перед началом матча эти слова еще могут быть правдой, но когда игра закончится – уже нет.

Девочки из «Мар-Висты» разминаются на левом поле.

Что же на самом деле происходит в головах у девочек из «Маунт-Адамса»? Молли испытывает сочувствие, но не более того. На этот раз стреляли ближе, чем раньше (в Орегоне и в Филадельфии), но, в конце концов, это все-таки произошло не в *ее* школе. Когда она пытается заставить себя грустить, ничего не получается, если не подумать о смерти бабушки. Ничего трагичнее в ее жизни еще не случилось, и она благодарна за это, хоть ей и стыдно. Лиза переживает, что родители стали часто ссориться. Симону переполняют чувства, когда она глядит на фотографию одного из погибших: он слишком напоминает ей брата. Она часто смотрит на это фото. Но слезы текут легко и спокойно, а когда она не видит фотографию, ей нормально. Анне кажется, что она стала плохо отбивать мяч, – и, хоть это и неправильно, она расстроена не из-за стрельбы, а потому что теперь будет шестой, а не второй в списке отбивающих. Если все будет идти в том же духе, тренер поставит в защиту на третью базу Бекки. Анна ненавидит Бекки: у нее длинный блондинистый хвост, и она приходит на тренировки накрашенной. И что хуже всего, Анна уверена, что и Бекки ее недолюбливает.

А еще все девочки из «Маунт-Адамса» чувствуют, что хотят выиграть матч. Это желание их смущает, но никуда не уходит. Три старшеклассницы, которые вместе едут в Мар-Висту не на автобусе, а на машине, делятся друг с другом, пока их никто не слышит:

– Мы не виноваты. Не виноваты в том, что это случилось.

– Если уж мы будем играть, – говорят они, – нам нужно сыграть по-настоящему. Не знаю, чего еще они от нас ждут.

---

⁹ Игра с мячом, разновидность бейсбола: в софтболе меньше мячи, легче биты, компактнее поля, короче матчи, при этом основные принципы игры и позиции игроков такие же, как в бейсболе.

Точно не слить игру: это будет так же неуважительно, как и победа. «Особенно учитывая, что в софтболе они ни в зуб ногой». Они говорят друг другу, что не сомневаются: девочки из «Мар-Висты» хорошие, даже если не умеют играть в софтбол.

Тренер Джефф бросает Лизе тренировочные мячи, замах у нее мощный и уверенный. Никаких скидок на то, что это просто разминка. Один из мячей разлетается пополам и падает на землю, раскрывшись, как птица. «Еще разок», – говорит тренер, и она чувствует гордость, ей хочется разнести все тренировочные мячи мира. Лиза обожает держать биты, быть в самом центре игры, чувствовать, как наливаются силой руки и опорная нога, как быстр и тяжел ее удар. Она хочет выбить мяч, который закончит игру, попасть в зазор между игроками защиты, когда раннер будет на второй базе. Вот почему из Анны плохая отбивающая. Все видят, уж Лиза-то точно, что Анна выходит на позицию неуверенно, будто просит разрешения, будто, случись что, кривой удар ее убьет. Нет, неудачное слово. Лизе хочется думать только об игре. Размахнуться битой и увидеть, как мяч взлетит так далеко и быстро, что покажется, будто он безмятежно завис в воздухе. И тогда она побежит по базам, будто они безраздельно ей принадлежат.

Тренер Джефф посылает в сторону Бекки граундболы¹⁰: мяч несется по земле. Обычно Бекки не боится мяча, но сегодня вдруг вздрагивает так, что перчатка не касается поля и мяч проскакивает под ней. Джефф напоминает себе, что она может быть расстроена из-за последних событий, но куда больше его волнует слабое звено на третьей базе. Анна играет все хуже; он такое уже видел. Игрок становится все более робким, ошибка за ошибкой – и страх побеждает окончательно. Но Бекки обычно бесстрашна. Странный сегодня день, печальный. Тренер немного ослабляет замах, дает мячу удариться о землю несколько раз, прежде чем он долетит до Бекки, и вот она снова ловит чисто, с прежним замкнутым и немного сердитым лицом – воплощение целеустремленности.

Бекки не боится мяча. Любая девушка из команды знает, как выглядит синяк от него – припухший фиолетовый рубец вроде следа от автомобильной шины. Когда Бекки было восемь, ее старший брат погиб в аварии. Она об этом не рассказывает, потому что рассказы один раз – и никогда не забудут. Бекки удивлена, как сильно ее отвлекают девушки из «Мар-Висты». Все время посматривает на них, задаваясь вопросом, понимают ли они, как и она, что жизнь несправедлива? А как иначе? Даже не так – слово «несправедлива» предполагает, что есть некий стандарт, что-то, на что можно надеяться. Но жизнь к таким стандартам не имеет никакого отношения. Жизнь – лишь физическая активность, которую выполняет тело до тех пор, пока не перестанет. Ее тело выполняет бросок с третьей базы на первую. Тренер говорит, что у нее хорошая рука. Хорошая, конечно, означает «сильная». Анна права: Бекки ее недолюбливает. Бекки кажется, что Анна считает, будто заслужила выходить в основном составе просто потому, что так было раньше. Но с каждой новой игрой все начинается заново. Однажды в старте выйдет Бекки – и, когда это случится, она вцепится в свое место когтями. Когда она выйдет на позицию, она нападет прежде, чем нападут на нее.

Девушки собираются в круг. Тренер Джефф снова говорит, что все на этом поле – уже победители. А потом добавляет: «Молли, когда подойдет восьмерка, сместись влево, это ее запутает. Она их лучший хиттер. Всегда отбивает в правую часть центрального поля». Когда тренер уходит, девушки смыкают круг – и вдруг им становится непонятно, что делать дальше. Перед обычным матчем они бы закричали и затопали, поорали бы кричалку, которой их научили девочки из прежнего состава. А сейчас капитан просто говорит: «Нам не хватает двух побед до первого места». И ничего не добавляет. Они бьют бутсами по грязи, складывают тренировочные мячи в рукавицы, счастливые, что капитан дала добро делать то, что они и так собирались.

---

¹⁰ Так в софтболе называется катящийся по земле или прыгающий по траве после отбивания мяча.

Прежде чем игра начинается, команды встают в два ряда на базах и снимают бейсболки. Минута молчания. Лиза представляет, как выбьет мяч, и начинает молиться об удачном ударе, но потом, смутившись, думает: «Простите. Надеюсь, что это нормально. Нет, я знаю, что это не нормально. Простите». Симоне кажется, что она вот-вот заплачет, но она сдерживается, потому что это было бы ужасно, как будто она хочет перетянуть на себя внимание. Анна и Бекки стоят бок о бок, им неприятно быть рядом друг с другом, и каждой неприятно быть с самой собой. Молли внимательно наблюдает, ее глаза сухи. Она вырастет женщиной, которая хорошо держится в трудные минуты, но всегда немного холодна и сдержанна, особенно когда сама того не желает. Молли первой замечает, как девушка из другой команды начинает плакать. Не навзрыд, лишь пара слезинок, затем еще, и вот остальная команда окружает ее, чтобы закрыть от чужих взглядов. В этот момент девушки из «Маунт-Адамса» понимают, что случилось что-то настоящее, ужасное и реальное, неотменяемое и непостижимое; правый филдер и левый филдер берутся за руки, потом берут за руку Симону, которая берет за руку Лизу, и так весь ряд, и взрослые выдыхают, видя этот жест – столько понимания и уважения, – но девушки делают это для себя, чтобы стать частью чего-то: не частью чужой трагедии, которая им не принадлежит, но частью своей команды именно в этот день, частью чего-то большего, чем они сами. Через поле они смотрят на ту, которая видела страшное, что боятся однажды увидеть и они, и в присутствии этой плачущей девушки и победа, и поражение, и сама игра кажутся чем-то неправильным – когда мир вокруг настолько настоящий.

А потом игра начинается. Первыми слегка неуклюже идут отбивать мяч девушки из «Маунт-Адамса». Им одиноко без привычной болтовни и криков поддержки со скамейки запасных. Громкий звук удара биты по мячу – он рикошетом отскакивает за линию фола. Девочка из «Мар-Висты» с мокрым от слез лицом плетется ко второй зоне. Анна плохо отбивает мячи. Никогда ей так не хотелось стать невидимой. Когда объявляют третий аут – Анна выбивает слабенький граундбол в сторону шортстопа¹¹, – все чувствуют облегчение пополам со стыдом. Тренер Джефф ничего не говорит. Уже в рукавицах они выбегают на поле, как их учили: *не идите пешком, бегите*, пересекая четкие меловые линии, прочерченные по мягкой земле и траве, такой ровно подстриженной и зеленой. Встают на позиции, и, когда питчер¹² отправляется на горку, все поправляют бейсболки. Они ждут, присев, слегка покачиваясь на пятках.

Когда питчер бросает мяч, игроки «Маунт-Адамса» следят за траекторией полета – от руки до биты, и вот мяч в игре, а они в движении. Мяч летит быстро, но никто не встает в полный рост, пока не поймает его, не почувствует в рукавице. Выпрямляясь, они достают мяч из перчатки. Анна, и Лиза, и Молли, и Бекки не знают, как держать мяч, не поворачивая его в ладони, не подыскивая идеальное расположение – один шов под большим пальцем, другой под указательным и безымянным. Взмах руки – и мяч снова в воздухе. Симона вытягивается, распрямляет тело, опорная нога твердо стоит на базе, она готова услышать резкий хлопок, когда мяч встретится с ее перчаткой. Объявлен первый аут. Затем, как и всегда, они перебрасываются друг с другом, у каждой есть шанс поймать мяч – важно оставаться разогретыми, – они вытягивают руки, тянутся за ним.

Мяч возвращается к Симоне, круг замкнулся. Руку приятно покалывает – значит, жизнь продолжается. Она хлопает перчаткой по ноге, говорит: «С одним справились, осталось еще два», – и кидает мяч обратно питчеру.

¹¹ Игрок обороняющейся команды на позиции между второй и третьей базами.

¹² Игрок, который бросает мяч с питчерской горки к дому, где кетчер (игрок той же команды) должен его поймать, а отбивающий (игрок команды-соперника, также хиттер, беттер) – отбить. Цель питчера – подать мяч так, чтобы бьющий не смог хорошо отбить.

Вечер пятницы

Мы с мужем уже должны были делать ребенка, но вместо этого спорим, пойти до мексиканцев или заказать пиццу; наши позиции неизменны: ему нравится мексиканское местечко неподалеку, он обзывает его *неплохим*, а я, конечно, понимаю, что мексиканцы около дома нормальные, но неплохо – это все еще недостаточно хорошо, чтобы не заказать средненькую пиццу домой, и раз уж мы ее ждем, о, точно, у меня овуляция, вперед; я снимаю лифчик, чтобы показать серьезность своих намерений, но он надевает ботинок, потому что в последнее время у моего мужа должно быть подходящее *настроение*, ему надо, чтобы секс был *о любви и о нас*, а не *просто ради того, чтобы меня обрюхатить*, на что я отвечаю: а что, бессмысленный секс уже не возбуждает, и, кстати, оплодотворение женщины – это отдельный фетиш, я была на реддите, я знаю, так что просто представь себе, как я наливаюсь, и зрею, и разрываюсь семенем, как гнилая дыня, выброшенная в поле катапульты и растекающаяся внутренностями по траве или что-то типа того, плевать, не мне здесь давать инструкции по поднятию хуя, но я знаю, что мое возбуждение тает, пока муж сидит на диване, одна нога в ботинке, другая босая, и говорит, что нам надо почаще выходить в люди, на что я отвечаю, что мексиканский ресторан на нашей же улице за «выходить в люди» не считается, и знаешь что, знаешь что, ты просто хочешь куда-то пойти, потому что не хочешь со мной ебаться, и он говорит, что это неправда, и мне не обязательно так грубо выражаться, и вот тут я уже срываюсь, потому что не то чтобы секс всегда был только *о любви*, или *о нас*, или о чем-либо кроме того, чтобы мой муж спустил, поэтому я замахиваюсь на него другим ботинком и говорю, что теперь твоя очередь взять себя в руки, как большой девочке, и он говорит, как мне, блядь, заставить хуй стоять, если я беру себя в руки, как большая девочка, и я говорю, ну представь на моем месте другую, чего проще, ты типа вообще догоняешь, что такое секс, и это, видимо, уже перебор, но, как я уже сказала, мои яичники начинают разгоняться, как Хитрый койот¹³, пробежавший десять метров над обрывом, гравитация вот-вот испортит ему всю малину, и мой муж уходит из комнаты и хлопает дверью, я слышу, как он говорит *твою ж мать*, слышу, как берет телефон и заказывает пиццу, вегетарианскую со свежими овощами, и не просит добавить пепперони на одну из половин, потому что знает, как я люблю пепперони, а он обижен, обижен достаточно, чтобы устроить мелкую пакость, такую, которую невозможно будет не заметить, когда пицца наконец придет, и когда он заходит в комнату, я не говорю ему, что все слышала; он садится рядом со мной на кровать и берет меня за руку, он выглядит измотанным, мы касаемся плечами, и даже пока я думаю, чем мы вообще занимаемся, как мы можем позволить себе ребенка, если нам даже не выдают кредит, а вино мы покупаем в аптеке¹⁴, если мы постоянно ссоримся и заказываем в интернете слишком дорогие футболки с остроумными надписями, которые нам не нужны, если я пью антидепрессанты, а он хронический ковырятель в носу, да, даже пока я думаю о том, что мы еле-еле держимся за клочок земли, отделяющий нас от раскаленной лавы, мой муж кладет меня на икеевскую кровать, одна ножка которой подперта книгами, и целует мое лицо, потом грудь, и это не эротично, но мило, и его тяжелое тело нависает надо мной, и, какая радость, он заставляет свой член встать, думая о незнакомках: женщинах в латексе, лопающих воздушные шары, и он входит в меня, а пицца придет через час, и мы откроем коробку, а там, погляди-ка, пицца без пепперони, и, боже, что бы мы ни делали вместе, что бы мы ни сделали вместе, когда мы откроем коробку, нет никакой уверенности, что там вообще будут пепперони *или* овощи,

---

¹³ Персонаж мультфильмов студии Looney Tunes, который вечно гоняется за желтой канарейкой – примерно как Том за Джерри.

¹⁴ В США аптеки (drugstores или pharmacies) торгуют не только лекарствами, но и предметами быта, продуктами и иногда алкоголем.

может, там будет чикен барбекю, которое не нравится ни мне, ни ему, или размокшая тайская лапша, или рыба, мертвые глаза и холодная чешуя, и почему я вообще хочу, чтобы мой муж прижимал меня к этой кровати, пока мы ждем этой пиццы без пепперони, пока он представляет на моем месте кого-то еще, и закрывает глаза, и ввинчивается в меня, но именно этим мы и занимаемся, и он кончает с тихим стоном, говорит мне в волосы, он всегда так делает, что *любит меня*, и уходит мыться, я знаю, что он думает о пицце без пепперони, жалеет о содеянном, надеется, что мы просто посмеемся и забудем, как будто, когда она приедет, у меня будет какой-либо выбор, кроме как съесть ее, потому что и мне часто нужно великодушие, потому что я люблю его, и поэтому, когда мы откроем эту коробку, я закачу глаза, улыбнусь, но не скажу больше ни слова, не испорчу нам ужин разговорами об отсутствии пепперони и о пустоте внутри меня, которая настаивает, неутомимо и беспричинно, чтобы ее заполнили, не разбираясь, готовы ли мы, готова ли я или нет.

Его последняя проповедь

Впервые призрак Джорджа Уайтфилда¹⁵ приходит ко мне, когда я трахаюсь со своим соседом Карлом. У нас это получается скорее бодро, чем ловко, как часто бывает, когда что-то делаешь в первый раз. Я приподнимаю голову, собираюсь поцеловать или, может быть, укусить шею Карла – и тут вижу Джорджа, сидящего на краю кровати в панталонах, церковном облачении и длинном плаще, волосы затянуты в крысиный хвостик. *Шлюха*, – шепчет призрак, и, ух, он угадал, что меня заводит. *Шлюха шлюха шлюха*, – и я кончаю так сильно, что у меня сводит ступню, а Карл говорит: *ох, блядь, да*. Он Джорджа не видит. У Карла отсутствует изображение. Это одно из его лучших качеств.

Никогда раньше мне не являлся призрак, но, с другой стороны, и интрижек у меня раньше не было. С Карлом мы знакомы несколько лет – я преподаю в академии английский, а он физику. Карл, безусловно, красавчик, и мы сто лет назад однажды целовались по пьяни после вечеринки на кафедре, глупые и нелепые, как подростки, которых мы учим. Никто из нас больше эту тему не поднимал. Секс у нас случился, когда я пригласила его зайти ко мне, чтобы дать почитать книгу. Я стояла у книжного шкафа, он – у кровати, затем я сделала шаг, и вот мы уже друг на друге. Сейчас Карл лежит на моей груди, тяжело дыша, а Джордж Уайтфилд смотрит слегка вверх и в сторону от наших сплетенных тел, напоминая, что мы забыли о целомудрии, но он – отнюдь. Снаружи ученики академии спешат вниз по тротуару в общежитие, сутулясь на холодном ветру. Мой палец скользит по животу Карла. Теперь я не так одинока, как долгое время была, согрета изнутри: любовником, призраком, секретом. И я не про интрижку, хотя это тоже секрет. Нет, тайна, открывшаяся мне сейчас, заключается вот в чем: оказывается, я могу трахаться без всяких чувств к другому человеку.

Эта ебля кажется мне знаменательной. Начинается приключение, и сперва я слегка в тумане: возбужденная, виновная и гордая. *Шлюха*, – говорит Джордж каждый день, когда я ухожу из дома, и повторяет, когда возвращаюсь. Он сидит на собственном мемориальном камне, установленном на полоске травы, отделяющей дорогу от моего дома. Надпись гласит: «Джордж Уайтфилд прочитал здесь свою последнюю проповедь 29 сентября 1770 года». Между буквами растет мох, камень почти закрыт снегом. Мне нравится отправлять Джорджу воздушные поцелуи, он в ответ хмурится. В течение нескольких славных месяцев кажется, будто все мне сходит с рук, – я ебусь с Карлом и продолжаю жить свою скучную жизнь. «Тебе обязательно называть это еблей?» – спрашивает иногда Карл, и я говорю: «Но разве не в этом все веселье?» Иногда он смеется. Но чаще закатывает глаза и отворачивается, будто его чувства задеты, и приходится его утешать, а я это терпеть не могу. «Ты в порядке? Что-то не так?» Карл говорит, что все нормально, но зачем так грубо?

Думаю, Карл не любит напоминаний, что мы занимаемся чем-то плохим по одной только причине: нам от этого хорошо.

«Извини», – говорю я, хотя извиняться тут не за что, и прежде, чем он отвлекает меня поцелуем, я задумываюсь, почему столь многим рискую ради очередного человека, у которого надо просить прощения.

В свободное от преподавания, подготовки нашей футбольной команды и интрижки время я занята заботами о моей дочери Эмми. Ей шесть, и она такая счастливая, что это кажется плохим знаком. Ей нравятся принцессы и розовый цвет, к чему я, наверное, была готова, но

---

¹⁵ Английский проповедник, один из основателей церкви методистов. Значительную часть жизни провел в английских колониях в Новом Свете, где и умер.

она запросто заводит новых друзей, никогда никого не обижает, и, кажется, ей тоже никто не делает плохого. Я не узнаю себя в ней, и это хорошо, но теперь боюсь, что счастливому, уравновешенному ребенку мир нанесет еще больше ран, чем ребенку тревожному, злому, с огромной щелью между передними зубами. Моя дочь не знает, что такое сомнение. Когда она возвращается домой из школы, она бросается в мои объятия. Когда она выходит утром из машины, бросается на площадку, распуская одноклассников, как воробья. На уроках плавания не замечает разницы между воздухом и водой – и смело ныряет. Мой муж говорит, что я превращаю ее счастье в проблему. Я отвечаю, что он мужчина и вообще ничего не понимает. Мы ссоримся. Моя лучшая подружка, Сьюз, конечно, на моей стороне. Она знает, что мир опасен для девочек, которые не научились быть осторожными.

Наша футбольная команда – полная противоположность моей дочери. В этих девочках, кажется, нет ничего, кроме сомнений. «Если вы хотите выиграть верховую борьбу, не надо ждать разрешения!» – говорю я, но они просто отказываются бросаться за мячом. Они скорее позволят себя победить, чем покажут волю к победе. Помню это чувство. Правда, я, когда была подростком, старалась перехитрить поражение другими способами – мешковатые рубашки, потертые кроссы, густой слой подводки для глаз и пирсинг пупка. Я не знала тогда, хочу ли внимания мальчиков – взрослые мужики уже пялились, – и поэтому вела себя так, что если уж на меня кто и посмотрит, то сразу поймет: мне всё похер. Прокол в пупке за месяц так воспалился, что пришлось рассказать об этом матери, которая, вместо того, чтобы впасть в ярость, просто рассердилась. Дальше десять дней на антибиотиках и шрам, который, когда я буду беременна Эмми, растянется сбоку от пупка в сердитый изгиб. Мне нравилось водить пальцем по этой отметине, представляя, какие шрамы однажды появятся у моего ребенка. И надеясь, что их породят истории получше.

Кричу девочкам на поле, что лучше бы им поднапрячься, а то дам лишнюю пробежку в конце тренировки. В старшей школе я любила играть в футбол, бегать до изнеможения, чтобы этот труд полностью меня опустошил.

– Бей по мячу! – ору я, когда центральная нападающая пасует другой девочке из команды, хотя может спокойно забивать, перед ней никого.

Центральная нападающая пинает бутсой траву и смотрит на часы.

– Пора бы заканчивать, – говорит она.

Тренировка затягивается. Дальше я встречаюсь с тремя студентами по поводу их работ. Потом отвечаю на поток электронных писем, все от одного и того же родителя. Мы с Эмми едим макароны с сыром и сосисками. Эмми бесконечно долго не может уснуть, ее будоражит мысль, что завтра она со всем классом идет навестить школьную морскую свинку, мистера Салата. Я залезаю к ней в кровать и читаю ее любимую книгу про маленькую мышку, которая пишет свои желания на клочках бумаги и сажает в саду. Когда мышка просыпается на следующее утро, сад заполнен странными растениями: цветы в горошек, дерево вышиной до облаков и мухоловка, такая большая, что могла бы в два счета проглотить мышку. «Хрям!» – говорю я, и моя ладонь кусает Эмми за руку. Однажды маленькая мышка сажает в землю желание встретить лучшего друга, а на следующее утро находит яйцо. Когда она разбивает его, оттуда появляется яркая красная птица и с протяжным криком улетает на вершину холма и дальше, на гору. Маленькая мышка отправляется в путешествие и по пути сажает желания, чтобы, когда она найдет птицу, они могли вместе вернуться домой. Я читаю эту книжку Эмми дважды, пока она наконец не признаёт, что устала и хочет спать. Перед тем как задремать, она спрашивает, можем ли мы завтра посадить какие-нибудь ее желания.

Мой муж не может мне со всем этим помочь – его нет рядом. Он постоянно в разъездах, помогает компаниям, чьи рабочие процессы не работают. Прямо сейчас он в Японии. Но, по крайней мере, у меня есть Джордж, который сидит со мной на кухне. Неплохой собеседник. Немножко мрачный и понурый, но иногда любит посмеяться.

– «Вэлли-Сити Хай» разнесут нас в субботу, – сообщаю я Джорджу, наливаю себе бокал вина и достаю пачку непроверенных работ. Жест абсолютно символический. Делаю большой глоток.

– Ты прелюбодейка, геенна огненная ждет тебя, – отвечает Джордж. – Но не бойся. И райские небеса, где я пребываю, со всеми их красотами и вдохновенными чудесами, не таковы, как обещано.

– Неужели? – спрашиваю я. Он смеется.

– Нет, – отвечает он, – не говори ерунды. И преисподняя вовсе не такая, какой ты себе ее воображаешь. Пути Сатаны куда более утонченны и изобретательны.

– Правда? – спрашиваю я.

– Нет, – на этот раз без смеха, – нет никакой нужды в утонченности, только грешные глупцы вроде тебя думают, будто есть что-то хуже боли.

Я наливаю себе еще бокал вина.

– Это важная игра, – говорю я ему. – Если не победим, в плей-офф нам ни за что не попасть.

Джордж не отвечает: похоже, слегка устал и решил вернуться к своей старой доброй мантре. *Шлюха шлюха шлюха*, – шепчет он, а я продолжаю пить – больше, чем следовало бы ночью в среду, да и вообще в какую-либо ночь, и в какой-то момент он переключается на *чревоугодница чревоугодница чревоугодница*.

Следующим вечером я тороплюсь, опаздываю забрать Эмми с продленки. Весна в Нью-Гемпшире – сезон грязи, и приходится идти по кампусу, стараясь не угодить в лужи в асфальтовых впадинах. Каждый год меня поражает, как тающий снег открывает эту потайную топографию, и все, что казалось плоским, на самом деле оказывается неровным и шербатым. Я почти на месте, когда мне приходит сообщение от Карла.

пойдешь на заседание кафедры сегодня вечером?

Жена Карла *не* в Японии, и он волнуется, что она увидит наши сообщения. занята с эмми – отвечаю я. В другой день послала бы что-то вдогонку, например прости или давай перенесем встречу, а потом дружелюбное и не слишком сексуализированное эмодзи типа початка кукурузы или пожарного, но стоит на секунду отвлечься на клавиатуру, как я по колено проваливаюсь в мелкое озеро. Вода такая ледяная, что я сначала чувствую обжигающий холод и только потом понимаю, что промокли ботинки и носки. Первое побуждение – выругаться, но вместо этого я смеюсь и прячу телефон. Женщина, в которой так мало здравого смысла, что она даже не смотрит, куда идет. Когда я забираю Эмми, говорю ей, что прыгала по лужам, и предлагаю понести ее на спине на обратном пути. Говорю, что раз ботинки уже промокли, хуже не будет, но вот ее ноги должны остаться в тепле. Мы скачем и плещемся, пока мои джинсы не пропитываются водой насквозь, а потом дрожим всю дорогу до дома.

Вечером четверга в началке Эмми будет концерт «Весеннее веселье». А я отвечаю за ее костюм. Ее класс выступит с песней «Twist and Shout»¹⁶. Я сшила ей широкую розовую юбку с пуделем¹⁷ – я б за такую убила в свои шесть. Эмми во время примерки стоит на коробке. Подол вышел кривым, а глаз пуделя сочится застывшим суперклеем, будто в нем завелась инфекция.

---

¹⁶ Twist and Shout («Танцуй твист и кричи») – песня, написанная в 1961 году американскими авторами Филом Медли и Бертом Расселлом, которую исполняли в том числе The Beatles и The Who.

¹⁷ Широкая однотонная юбка чуть ниже колен с пришитым или нанесенным на ткань изображением (чаще всего пуделя – отсюда и название). Юбки с пуделем были в моде в Великобритании и в США в 1950-е и начале 1960-х и прочно ассоциируются с той эпохой.

«Ты выглядишь прекрасно» – говорю я. Эмми вертится вокруг своей оси. Интересно, действительно ли она настолько мала, что не видит недостатков наряда. Другие матери уж точно заметят. И другие девочки – тоже.

Мой карман вибрирует. Карл снова мне написал. нам надо поговорить – сказано в сообщении.

всё в порядке?? – спрашиваю я.

думаю насчет встречи на кафедре

Говорю ему, что увидимся завтра после его занятия.

Эмми бешено кружится в своей юбке, прыгает вверх и вниз, потом падает и начинает плакать. Булавка, которая держит подол юбки, впиалась ей в ногу.

«Смотри, милая, – говорю я, приподнимая юбку, чтобы показать ей крохотную каплю крови на коже. – Ты в порядке». Пудель смотрит на меня в упор, больной и злобный.

Карман снова начинает вибрировать, Эмми перестала плакать и теперь изучает кровь, размазывая ее кончиком пальца, сейчас запачкает юбку, только этого не хватало, и как же меня *достал* Карл, клянусь, я уже пишу ему сообщение, на котором все закончится, и тут понимаю, что сейчас мне написал не он, а муж. У него еще очень раннее утро, слишком раннее, чтобы он поднялся, но он не может уснуть. Говорит, что скучает по мне. Говорит, что скоро зацветет вишня, но он вернется домой прямо перед этим. Бывает же такое – пишет он и добавляет смайлик, как бы говоря: о, что за странная штука – жизнь. И сейчас, пока я пытаюсь вспомнить, есть ли у Эмми целые белые колготки, а она дергает подол юбки и вот-вот снова уколется и начнет вопить, я ненавижу своего мужа.

Когда я возвращаюсь на кухню, там сидит Джордж. Мои глаза налиты кровью, а пальцы исколоты булавками бессчетное количество раз. Стоило ли так стараться ради чего-то, что так и осталось уродливой тряпкой? Джордж покачивает головой и говорит: «Вот оно, возмездие за грехи», я выплескиваю вино ему в лицо, оно проходит сквозь него, пачкая мой безупречный кухонный стул, мы оба удивлены.

«Вот дерьмо», – говорю я, беру рулон бумажных полотенец и тру стул, проникая сквозь тело Джорджа, и даже несмотря на то что мы не можем прикоснуться друг к другу, а он пытается притвориться, будто не видит меня (о, Джордж, теперь-то я изучила твою мимику и знаю, как ты стараешься сфокусировать взгляд где-то подальше, когда тебе неприятно то, что происходит прямо перед глазами), я чувствую, как он ежится. Немного замедляюсь, протирая сиденье насухо, нежно и тщательно. Вино оставило пятно на дешевом ротанге. Я стою на коленях перед Джорджем, влага впиталась в капающий комок бумажных полотенец. И, как положено шлюхе, я задумываюсь – стояла ли раньше перед ним на коленях женщина. Хочу спросить, но боюсь, честно признаться. Боюсь, что, когда он ответит «нет», предложу ему отсосать. Я поднимаюсь, выкидываю бумажные полотенца, наливаю себе еще бокал вина. Чинно сажусь и говорю: «Я прощаю тебя».

И происходит прекрасное. Джордж улыбается, чего я раньше ни разу не видела. Улыбка недолго задерживается на лице, а потом он называет меня *шлюхой* с таким энтузиазмом, что становится понятно – он это всерьез, но я знаю: его очень раздражает, что я ему на самом деле нравлюсь.

– Ты когда-нибудь был влюблен? – Я хотела спросить совсем другое, но, возможно, во времена Джорджа минет было не отличить от любви.

Джордж не отвечает.

– Я вот да, – говорю я, хотя это и так очевидно. Я же замужем, так ведь? Но мне кажется, людям в браке редко отдают должное за то, что они влюблены. За то, что пары вообще влюб-

лены друг в друга, – все думают, что это данность, обязательная программа, а так *сложнее всего* любить – но еще и за то, что память о прошлой любви с кем-то другим никуда не уходит, как и знание, что каждая любовь разная, но ты остаешься с той, что есть у тебя сейчас. Конечно, я любила других мужчин. Тот мальчик, с которым мы вместе ходили на «Введение в астрономию» и занялись сексом в моей комнате в общежитии – в тот день мы учили названия звездных скоплений, – а потом он рассказал, что у него отношения на расстоянии с другой. Мужчина, который реставрировал мебель и готовил мне изысканные блюда – невозможно представить знак более глубокой преданности. Три месяца мы с ним жили в Нью-Мексико, и последние несколько недель он до меня не дотрагивался, оправдываясь религиозной практикой, а потом признался, что подцепил хламидиоз от другой женщины. И, наконец, мой муж, которого я правда люблю, просто бывают дни, когда эту любовь сложно в себе найти.

Я не говорю всего этого Джорджу. Старый добрый Джордж, он сидит на своем камне и наблюдает за детьми, идущими по тротуару, маленькими собаками в свитерах, пожилыми парами, которые наклоняются близко-близко друг к другу в тщетной попытке услышать собеседника. Джордж питает Иисусову любовь к каждому из них, но мне совершенно не сочувствует. На данном этапе я уже немного пьяна и опасно близка к тому, чтобы начать себя жалеть.

- Любовь приводит человека ближе всего к Господу, – говорит Джордж.
- Спасибо, Джордж, – говорю я, готовая расплакаться от его неожиданной доброты.
- Любовь и искреннее раскаяние.
- Окей, Джордж, я поняла.

Когда я вхожу в кабинет, Карл стоит у доски, брызгая на нее водой и стирая записи с предыдущих занятий. Он выглядит хорошо, лучше и немного моложе меня. Жена его тоже выглядит лучше меня. Они любят вместе кататься на лыжах и ходить в походы по выходным. Несмотря на то что мы с Карлом много раз занимались сексом, я все еще поражаюсь неправдоподобию ситуации. Зачем ему меня ебать? Закрываю за собой дверь. Я готова к тому, что он меня бросит, уверена, что он так и поступит, и очень на это надеюсь. Сама бы его бросила, но у меня нет на это сил. Я думаю, положила ли танцевальные туфли для сегодняшнего представления Эмми ей в сумку.

– Я должен рассказать о нас жене, – говорит Карл. Он убирает губку для доски, проводит рукой по волосам.

- Что случилось? – спрашиваю я, но уже знаю ответ.
- Надо сказать ей, что я чувствую, – говорит он.
- Ничего тебе не надо говорить.
- Она заслужила знать правду.
- Мы можем перестать встречаться.
- Это нечестно по отношению к ней.
- Мы должны перестать встречаться.
- Я знаю, что ты чувствуешь то же, что и я.

Карл берет мою ладонь и нежно целует костяшки, чего раньше никогда не делал. Я отдергиваю руку. «Это сумасшествие, – хочется мне сказать. – Ничего мы не чувствуем». И когда я прижимаю руку к груди, я представляю, как на все это смотрит моя мать, качает головой и говорит: «*Дорогуша, ты всегда сама себе усложняла жизнь*».

Джордж Уайтфилд садится рядом с ней. «*Достопочтенная мадам, – говорит он, – именно по этой причине я ушел от театральных страстей и стал проповедовать. Ваша дочь уже погрязла в прелюбодеянии и грехе. Весь этот спектакль не спасет ее душу*».

- Она знает о нас, – говорю я.
- Нет, – говорит Карл. – Только подозревает.

Он резко прижимает меня к столу, злой и слегка пугающий. Мне страшно, но одновременно я и возбуждена, потому что такого секса у меня еще не было. Он сажает меня на стол, стягивает с меня трусики, а потом мы ебемся, и он даже не пытается сделать мне приятно. Я смотрю через его плечо на периодическую таблицу. Карл – хороший учитель. Он много знает про бейсбол, любит американский футбол, но больше его не смотрит, потому что считает, что это аморально. На руке у него шрам от вырезанной небольшой опухоли, и иногда меня тянет его потрогать, будто шрамы – это места, где мы наиболее уязвимы, не то что толстая кожа, через которую почти ничего нельзя почувствовать.

Кончив, он прижимает меня к себе, бормочет в ухо, что просит прощения и что любит меня. Он пугает меня и то, что мы только что сделали, с кем-то и чем-то еще.

– Я не люблю тебя, – говорю я. Он вздрагивает. – Не делай того, что не сможешь исправить.

– Мы уже это сделали.

– Ты не любишь меня, – говорю я, но он спорит. Как я уже упоминала, у него нет воображения, поэтому он воображает, будто любовь – единственное объяснение произошедшему.

Ох, Карл, думаю я. Какой же ты идиот.

Хочется уйти домой, отрубиться и забыть, что я жена, и мать, и любовница, и учительница, но время для «Весеннего веселья», поэтому я мажусь дезодорантом и одеваю дочь в костюм. Она так дрыгается в предвкушении, что молния снова ломается, и господи *блядь* Иисусе, телефон опять вибрирует, сто процентов это снова ебучий Карл, и вновь я чувствую, что вот-вот слечу с катушек. Но не слетаю, потому что нельзя. Я скрепляю костюм дочери английскими булавками, которыми не уколешься, и говорю: «Надеюсь, они выдержат, малыш».

Я причесываю ее гладкие волосы и делаю хвостик. Другие матери сделали костюмы получше и прически поизящнее.

«Другие матери не ебутся с учителем физики», – думаю я и вздыхаю. Джордж Уайтфилд стоит, прислонившись к стене, пока я занимаюсь всем этим, и совершенно не думает помогать, а когда дочь выходит из комнаты, я говорю ему, чтобы даже не начинал свои проповеди. Я слышу библиканье с улицы – вот и Сюз, у которой сын учится в том же классе. В актовом зале мы с ней выбираем места на заднем ряду, как отпетые хулиганки, и смотрим представление.

Юбка с пуделем не спадает с моей дочери, она пляшет в самом центре сцены и очень этому рада. Сын Сюз в заднем ряду, его волосы так густо покрыты гелем, что выглядят как шлем. В твист он не умеет, но кричать – ох, с этим у пацана все в порядке.

Сюз знает о Карле, но не о призраке Джорджа Уайтфилда.

После представления, пока учителя беседуют с детьми, я показываю Сюз последние сообщения Карла:

все еще думаю о случившемся

не думаю что ты хотела причинить мне боль

я должен сделать то, что считаю правильным

Сюз никогда не одобряла мою еблю с Карлом, но не говорит, что так и знала.

– На твоём месте, – советует она, – я бы сказала, что соврала и что тоже его люблю. Тогда он скажет, что это слишком тяжело, и поймет, что на самом деле тебя не любит.

По словам Сюз, с ее бывшими это срабатывало в ста процентах случаев.

Я размышляю, как бы ранить Карла так сильно, чтобы отбить охоту меня любить. Пытаюсь вспомнить, кого уже отпугивала и как. В четвертом классе у меня была подруга, и в какой-

то момент я поняла, что она никому кроме меня не нравится. Я сказала ей, что от нее странно пахнет, и отсела подальше в столовой. Потом у меня был парень, который утверждал, что я слишком закрытая, хотя это была неправда. Я ему абсолютно все рассказывала, просто оказалось, что не так уж во мне много интересного. Поэтому я стала верить ему выдуманные истории, а в итоге он меня бросил, ведь я стала слишком большой обузой. И моя кошка в детстве никогда меня не любила. Сала в моей комнате.

– Может, просто подождать, пока ему это наскучит, – говорю я. Но Сюз качает головой.

– Он мужчина, – говорит она и больше ничего не добавляет.

Я иду с дочкой за мороженым – в награду за ее прекрасный «твист энд шаут». Мятное с шоколадной крошкой мне, ей – со вкусом и кусочками настоящей синей жвачки. Мы сидим снаружи, хотя холодно, засучив рукава свитеров; с рожков капает. Она видит паука и пытается накормить его мороженым, оставляя небольшие лужицы на его пути. Паук обходит мороженое стороной. Я говорю ей, что некоторые пауки – те еще привереды.

– Для этого паучка, – говорю я, – мороженое может быть как маринованные огурчики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.